

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.12>

УДК 81'42

ББК 81.055.1

РИТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Богомазова Виктория Владимировна

Аспирант кафедры языкознания

Волгоградского государственного социально-педагогического университета

vsolomina@ Rambler.ru

просп. им. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуются потенциально возможные способы проявления категории чуждости в судебном дискурсе. В качестве одного из основных способов в рамках судебного дискурса в целом и судебного заседания в частности рассматривается ритуальность. Анализируются релевантные признаки ритуальности в судебном дискурсе, выявляются категориальная взаимосвязь ритуальности и чуждости, речевые средства, реализующие их взаимодействие, приводятся примеры, иллюстрирующие проявление категории чуждости посредством ритуальности в текстах стенограмм судебных заседаний. Описываются основные коммуникативные стратегии и тактики, используемые участниками судебного дискурса и служащие средством выражения анализируемых категорий. Показывается, что осужденный чаще использует коммуникативную стратегию самозащиты, защитник и/или адвокат – стратегию защиты и психологического воздействия, обвинитель – стратегию обвинения и психологического воздействия. Делается вывод о том, что ритуальный характер судебной коммуникации в целом способствует четкому разграничению участников дискурса по признакам «свой», «чужой» и реализации тем самым категории чуждости.

Ключевые слова: судебный дискурс, ритуальность, чуждость, коммуникативная категория, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, речевые средства.

Ритуальность, будучи свойством человеческого поведения в целом, является характерным признаком дискурсов всех видов; она отражает зависимость от внешних условий общения, социальных ролей коммуникантов, осознается только в случаях ее несоблюдения и «выражается в виде особой коммуникативной тональности, подчеркивающей сверхценность определенной ситуации» [4, с. 401]. Степень ритуальности может варьироваться: «чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контролируется соблюдение норм, стандартов и образцов» [2, с. 532]. Что касается судебного дис-

курса (дискурса судебного заседания), то он, по мнению М.Г. Извековой, отличается высокой степенью ритуальности, структурированности и регламентированности, включая следование нормам и правилам ведения критической дискуссии и учет переменных, обуславливающих динамический характер дискурса [3]. Судебный дискурс можно рассматривать как ритуальное событие, поскольку ему присущи значимые признаки ритуала – сценарность, ролевая структура и символичность.

В рамках судебного дискурса посредством категории ритуальности, как нам представляется, выражается категория чуждости.

Выявлению дискурсивной специфики проявления их взаимосвязи посвящена данная статья.

Ритуал ведения судебного заседания предполагает наличие противостоящих сторон, которые ведут борьбу своих точек зрения перед судом. Такая агональность является одной из форм реализации универсальной оппозиции «свой – чужой», составляющей основу категории чуждости.

В ходе судебного заседания его участники приобретают определенный статус, что также демонстрирует наличие специфических черт проявления категории ритуальности в рамках судебного дискурса и доказывает их взаимодействие. Граждане, участвуя в судебном разбирательстве, становятся защитниками, обвинителями, судьями, потерпевшими, подсудимыми, свидетелями и пр. со своими строго закрепленными правами и обязанностями, что сопровождается набором ритуальных действий, жестко клишированных ритуальных текстов, которые произносят участники судебного дискурса. Например: ритуальные реплики, инициирующие начало и конец судебного заседания (*Прошу всех встать, суд идет!*), присяга / клятва свидетелей. Представленная организация судебного дискурса способствует актуализации категории чуждости, поскольку агенты и клиенты дискурса *отчуждаются, отстраняются* от внешнего мира и начинают существовать внутри *своего* сложившегося дискурсивного пространства.

Ритуальность в судебном дискурсе проявляется уже в момент называния его участников, то есть ранжирования лиц по признакам, обусловленным каким-либо действием, отношением, положением. Например, обращение к судье *Ваша честь* подчеркивает его авторитет и эксплицирует представления о суде как органе государственной власти, осуществляющем правосудие, обозначения *подзащитный* и *обвиняемый* вызывают ассоциации с невиновным и виновным.

Признаком ритуальности судебного дискурса может служить и частое использование общественно закрепленных формул (клише), выражающих юридические отношения, однозначно и точно передающих соответствующие понятия и факты: *отсрочка наказания, квалифицировать действия, вредные по-*

следствия, по предварительномуговору и т. д. [1, с. 31]. Использование указанных языковых средств способствует *отчуждению* участников от личностных предпочтений и мотивов. Например: *Это давало основание суду квалифицировать действия Буданова не по 105-й статье УК, значившейся в обвинительном заключении, а по 107-й, предусматривающей более мягкое наказание и попадающей под амнистию (НКРЯ)*, то есть агент действует строго в соответствии с должностной инструкцией, не допускает высказывания каких-либо личных мнений и проявления эмоций.

Способность участников судебного разбирательства убедить суд в своей правоте зависит от того, в какой мере они владеют стратегиями и тактиками ведения дела в суде. Особенность этих стратегий и тактик заключается в их ритуализации, поскольку они теряют такие важные характеристики, как гибкость и динамика, практически перестают зависеть от речевого поведения оппонента, от меняющегося контекста и закрепляются за социальными институтами и ролями агентов / клиентов дискурса. Так, обвиняемый, подсудимый, осужденный / подозреваемый преимущественно используют коммуникативную стратегию самозащиты, а защитник и/или адвокат – в основном прибегает к использованию коммуникативных стратегий защиты и психологического воздействия, обвинитель – стратегии обвинения и психологического воздействия. Перечисленные стратегии, закрепленные за разностатусными участниками дискурса, нацелены на реализацию категории чуждости, с их помощью оппоненты группируются по принципу «свой – чужой». Например, сторона защиты старается выразить свою правду и не допустить вторжения со стороны обвинения, противоположный эффект имеет стратегия обвинения и психологического воздействия со стороны обвинителей, которые пытаются воздействовать на оппонентов, отчуждаясь от них, и делают все возможное, чтобы для судьи они также стали «чужими», то есть нарушающими закон.

Например, реализуя оппозицию «свой – чужой», коммуникант может использовать тактику прямого обвинения своего оппонента, пытаясь умалить его достоинство перед

судом, апеллируя к нарушению не только норм закона, но и негласных норм морали: *Потерпевший достаточно проявлял, я считаю, неуважения к суду, не являясь по повесткам, и только в конце, когда у нас обнаружилось это изменение в законодательстве (ССЗ)*¹. Подсудимый же может использовать стратегию самозащиты: *И тогда только вы поймете, что испытывал я слушая вас, как Вы меня обвиняете, унижаете и каково мне, когда я не могу вам доказать, что я не совершал этого преступления, что я не виноват в смертях ваших родных, потому что вас настолько убедили, что вы не хотите нас слушать. Я вам скажу больше, что я каждый день прошу у погибших помолиться за меня перед Господом, я сам молюсь каждый день и обращаюсь к вашим родным, потому что они знают, что я не виновен в их смерти и прошу у них помощи (ПСЗ)*. Подсудимый прибегает к тактике полного отрицания вины, которая нацелена на отведение от себя подозрений, говорящий обращается к нормам морали, религии, пытается перевести внимание участников судебного дискурса на действия третьего лица.

Участники судебного дискурса (защитник и обвинитель), с одной стороны, объединены общим рассматриваемым делом, но с другой стороны, противопоставлены на основании выполняемых ими функций, оценок совершенного деяния и фактов из доказательной базы. В такой противопоставленности актуализируется категория «чуждость» в рамках судебного дискурса. Предельная точность и терминологическая плотность также служат своеобразными маркерами данной категории, отграничивающими агентов от клиентов рассматриваемого дискурса.

Официальный характер дискурса требует объективного изложения фактов, которые представляются правосудием, что также свидетельствует об *отчуждении* агента судебного дискурса от его личных оценок и недопустимости субъективных мнений. Иными словами, объективность правовой картины мира противопоставлена субъективности наивной картины мира, что служит вариантом реализации оппозиции «свой – чужой» и эксплицируется при помощи: 1) использования пассивных конструкций (сказуемое выражается

страдательным причастием или глаголом страдательного залога), например: *По делу Петровых судом было установлено, что ответчик, выехав из жилого помещения в связи с распадом семьи, оставил там свои личные вещи, другого жилья не приобрел и в течение всего периода отсутствия в жилом помещении принимал меры для разрешения «квартирного вопроса», предлагая бывшей жене разменять занимаемую квартиру на два других жилых помещения (НКРЯ); 2) использования «расщепленного» сказуемого, в котором глагол употребляется с ослабленным лексическим значением, а основное значение сконцентрировано в именной части сказуемого: *Однако мы не хотели бы нести ответственность за жизни людей в ситуации, когда они находятся в опасности (НКРЯ)*.*

Показателем категории ритуальности судебного дискурса может служить выражение волеизъявления. В качестве доминирующего средства выступают безличные предложения со значением долженствования, например: *А согласно статье 283 НК РФ, сумма переносимого убытка не должна превышать 30 процентов от полученной налоговой базы опять же текущего отчетного (налогового) периода (НКРЯ)*.

Таким образом, в судебном дискурсе сочетаются категория ритуальности, нацеленная на интеграцию и консолидацию участников дискурса, и категория чуждости, нацеленная на их дифференциацию. Богатая система юридических терминов, устойчивые выражения, клишированные фразы, использование приемов логики, отсутствие эмоциональности, обусловленное основной целью – донести смысл закона в однозначной трактовке, и нейтральная, неэмоциональная тональность – все это создает атмосферу строгости и ритуальности общения участников судебного дискурса. Названные аспекты демонстрируют отчужденность агентов от клиентов, их нейтральное отношение к правовым ситуациям, делая тем самым правовую систему закрытой областью профессиональной коммуникации. Кроме того, ритуальный характер судебного дискурса позволяет четко определить «своего» и «чужого» в данной системе, поэтому, думается, что ритуальность может являть-

ся одним из способов проявления категории «чуждости» в исследуемом дискурсе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В приведенных примерах сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Н. А. Судебная оратория / Н. А. Абрамова, З. Я. Беньяминова – М. : Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2008. – 170 с.
2. Дженкова, Е. А. Ритуальные характеристики судебного заседания (на материале ассоциативного эксперимента) / Е. А. Дженкова, О. Н. Тютюнова // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 531–534.
3. Извекова, М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Извекова Марина Геннадьевна. – Волгоград, 2006. – 20 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru/>. – Загл. с экрана.
- ПСЗ* – Протокол судебного заседания по уголовному делу № 2-3/2009. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.kp.ru%2F%2F13%2Fattached_file%2F77%2F57%2F2815777.doc&ei=-q_kU_tOShyAP74YCYBw&usg=AFQjCNGhXORbwvdgE142I3wDeZHHftlypA&bvm=bv.72676100,d.bGQ&cad=rjt/. – Загл. с экрана.
- ССЗ* – Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова. – Электрон. текстовые

дан. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/2011/05/24/2405111.htm/>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Abramova N.A., Benyaminova Z.Ya. *Sudebnaya oratoriya* [Judicial Oratorio]. Moscow, Rossiyskaya Akademiya advokatury i notariata Publ., 2008. 170 p.
2. Dzhenkova E.A., Tyutyunova O.N. Ritualnye kharakteristiki sudebnogo zasedaniya (na materiale assotsiativnogo eksperimenta) [Ritual Characteristics of the Court Session (Based on the Association Experiment)]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2014, no. 2, pp. 531-534.
3. Izvekova M.G. *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritualnogo diskursa. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Pragmalinguistic Characteristics of the Ritual Discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2006. 20 p.
4. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorgo.ru>.
- Protokol sudebnogo zasedaniya po ugolovnomu delu № 2-3/2009* [The Court Record of the Criminal Case no. 2-3/2009]. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.kp.ru%2F%2F13%2Fattached_file%2F77%2F57%2F2815777.doc&ei=-q_kU_tOShyAP74YCYBw&usg=AFQjCNGhXORbwvdgE142I3wDeZHHftlypA&bvm=bv.72676100,d.bGQ&cad=rjt.
- Stenogramma sudebnogo zasedaniya po ugolovnomu delu o kleвете, vzbuzhdennomu protiv predsedatelya Soveta Pravozashchitnogo tsentra "Memorial" Olega Orlova* [The Shorthand Record of the Court Session on the Criminal Case Against Oleg Orlov, President of the Memorial Center]. Available at: <http://www.memo.ru/2011/05/24/2405111.htm>.

**RITUALITY AS A WAY OF ACTUALIZING THE CATEGORY
OF OTHERNESS WITHIN THE JUDICIAL DISCOURSE**

Bogomazova Viktoriya Vladimirovna

Postgraduate Student, Department of Linguistics,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
vsolomina@rambler.ru
Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the rituality as one of the ways of actualizing the category of otherness within the judicial discourse, in general, and the court session, in particular. The author analyzes the relevant features of rituality in the judicial discourse, reveals the categorical connection between the rituality and otherness, the speech means which actualize their interaction. The author gives examples illustrating the actualization of the concept by means of rituality in the texts of court sessions' records. In addition, the author identifies the main communicative strategies and tactics used by the participants of judicial discourse. They serve as a means of expressing the analyzed categories. It is shown that a convict often uses the communicative strategy of self-defense, a defender and/or lawyer – the communicative strategy of defense or psychological impact, the prosecutor often appeals to the strategy of accusation and psychological impact. The author makes conclusion that the ritual character of judicial communication as a whole contributes to the distinction of discourse participants according to the features of “friend” and “enemy” thus actualizing the category of otherness.

Key words: judicial discourse, rituality, otherness, communicative category, communicative tactics, speech means.